

ИСКУСИТЕЛЬ.

СОЧИНЕНИЕ

М. ЗАГОСКИНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

C'est un tableau de fantaisie dont
tous les détails sont peints d'après
nature.

МОСКВА.

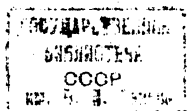
ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число
экземпляровъ. Москва. Марта 15 дня, 1838 года.

Ценсоръ и Кавалеръ *И, Снегиревъ.*

2843-27

ИСКУСИТЕЛЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КОЛОМЕНСКОЕ.

Насъ было пятеро. Обо мнѣ говорить нечего; но я долженъ сказать нѣсколько словъ о моихъ товарищахъ. Первый: сіятельный сослуживецъ мой, Григорій Владиміровичъ Двинской, Московскій природный князь; Русской — не Русской, Французъ — не Французъ, а такъ, существо какого-то средняго рода, впрочемъ острый малой, избало-

ванный женщинами повѣса, большой шалунъ; но только самого хорошаго тона. Второй: Антонъ Антоновичъ фонъ Нейгофъ, магистръ Дерптскаго университета, эпохондрикъ, ужасный чудакъ, послѣдователь мистической школы Сведенборга, фанатикъ, мечтатель, всегда живущій въ какомъ-то невещественномъ мірѣ, отъявленный защитникъ всѣхъ алхимиковъ, астрологовъ, духовидцевъ, и даже извѣстнаго обманщика, Италіянца Калиостро. Третій: Капитанъ Архаровскаго полка, Андрей Андреичъ Возницынъ, человекъ не больно грамотный; но честный, простодушный и веселый малой; и наконецъ четвертый: Василій Дмитричъ Закамской, очень умный и замѣчательный молодой человекъ. Онъ много путешествовалъ и только что воротился изъ чужихъ краевъ; но это вовсе не расхолодило его чистую и просвѣщенную любовь къ

отечеству. Встрѣчая дурное на своей родинѣ, онъ горевалъ, а не радовался, не спѣшилъ указывать пальцемъ на каждое черное пятно и не щеголялъ передъ иностранцами своимъ презрѣніемъ къ Россіи. Совершенно чуждый этой исключительной и хвастливой любви къ отечеству, которою гордились нѣкогда наши предки, онъ любилъ все прекрасное, какому бы народу оно ни принадлежало; но только прекрасное свое радовало еще болѣе его сердце; а онъ находилъ это прекрасное и въ своемъ отечествѣ, потому что не искалъ въ немъ одного дурнаго. Однимъ словомъ, этотъ молодой человѣкъ, не смотря на свое Европейское просвѣщеніе, вовсе не походилъ на этихъ жалкихъ проповѣдниковъ Европеизма, для которыхъ все сряду хорошо чужое и все безъ исключенія дурно свое. Онъ живетъ теперь въ